

4. Bryanskiy Kray. (2020) *Lopazna* [Lopazna Settlement]. [Online] Available from: <http://www.kray32.ru/suragskiy002.html> (Accessed: 01.11.2020).
5. Krutova, E.O. (1993) *Traditsionnaya pesennaya kul'tura d. Lopaznoe Sladkovskogo rayona Tyumenskoj oblasti* [Traditional Song Culture of the Lopaznoe Village, Sladkovsky District of Tyumen Oblast]. Tyumen: Tyumen College of Arts.
6. Demina, L.V. (2013) *Traditsionnyy fol'klor Tyumenskoj oblasti: repertuarnyy sbornik* [Traditional Folklore of Tyumen Oblast: A Repertoire Collection]. Tyumen: Titul.
7. Demina, L.V. (2014) *Fol'klor yuga Tyumenskoj oblasti: starozhily, novoposelentsy: sbornik (materialy po regional'nomu fol'kloru)* [Folklore of the South of Tyumen Oblast: Old-Timers, New Settlers: A Collection (Materials on Regional Folklore)]. Tyumen: Titul.

УДК 7.036.7

DOI: 10.24412/2070-075X-2020-4-52-67

М.И. Боровская

**В.М. ЮСТИЦКИЙ КАК ГРАФИК:
ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК И СТИЛИСТИЧЕСКИЕ ПРИЕМЫ
(НА МАТЕРИАЛЕ ИЛЛЮСТРАЦИЙ К СКАЗКЕ В. БУША)**

В статье впервые исследованы особенности визуальной трактовки русским художником В.М. Юстицким (1894–1951) немецкой литературной сказки В. Буша «Храбрая мельникова дочь» (1868). С помощью формально-иконологического метода, систематизации посредством таблицы, через сопоставление десяти исследуемых рисунков 1924 г. с иллюстрациями к сказке самого Буша выявлено, что Юстицкий был знаком с картинками предшественника и их творчески переосмыслил. Решая новую художественную задачу, он перевел конкретную «историю» Буша во вневременной контекст, создав смешные, поучительные и актуальные для своего времени картинки. Изученная серия позволяет также обозначить направление стилистических поисков в его графике.

Ключевые слова: В.М. Юстицкий, В. Буш, «Страшная ночь, или Храбрая мельникова дочь», сказка в стихах, книжная графика, иллюстративная серия, творческий метод, художественные средства, Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева.

Художественные поиски деятелей искусства 1920-х годов ныне привлекают культурную общественность все больше, о чем свидетельствуют выставки, фильмы, стремительно растущий интернет-контент. Столетие назад свобода выражения позиции, обращения к материалам прошлого с целью новых интерпретаций, актуализации, как и ныне, вдохновляли российских художников, а стремление участвовать в построении советской жизни, скорой ликвидации безграмотности активно обращало к книжной графике.

Феномен 1920-х годов притягивает также искусствоведов, множатся статьи, диссертации, монографии, но до исчерпания проблемы далеко, о чем свидетельствует и «феномен в феномене» – творчество В.М. Юстицкого (1894–1951)¹.

Степень изученности его художественного наследия, особенно графики, невелика. Можно назвать каталог выставки 1984 г., впервые систематизировавший наследие

¹ Юстицкий Валентин Михайлович – живописец, график, сценограф, художник книги, скульптор, монументалист. Активный участник московской и саратовской художественной жизни 1910-х – 1930-х годов. С 1918 по 1935 год жил в Саратове, работал творчески и преподавал. В 1937-м был репрессирован. Вернулся в Саратов в 1946 году и здесь провел свои последние годы.

мастера [1], несколько статей того же времени [2; 3], книгу-альбом (2009) – самую полную на сегодняшний день публикацию об авторе [4]. Начали также появляться новые материалы о раннем периоде жизни [5]. Работы о художественных контекстах судьбы и творчества мастера (его саратовского периода, участия в выставочном объединении «13») [6; 7], а также литература по графике [8] несколько дополняют общую картину. Однако в целом графика Юстицкого мало изучена специалистами. Как показывает краткий обзор, проблематика данной статьи не исследована вообще.

Материалами статьи стали десять отдельных пронумерованных графических листов В.М. Юстицкого из собрания Саратовского государственного художественного музея имени А.Н. Радищева (далее: СГХМ). Кроме этого, для уяснения сюжетных смыслов рисунков мы обращались к тексту сказки В. Буша в немецком оригинале (1868) и ее переводу (К.Н. Льдов, 1890), выявив через сопоставление немецкого и русского текста, с чем именно имел дело художник (таблица 2 и комментарии к ней в Приложениях).

Работа с текстом перевода помогла прояснить еще один важный источниковедческий момент: порядок следования иллюстраций, без понимания которого анализ группы рисунков Юстицкого был бы малопродуктивен, точнее, вообще маловозможен (см. таблицу 3 и комментарии и таблицу 4 в Приложениях).

В статье впервые в литературе предпринята попытка исследовать с помощью сравнительного и формально-стилистического методов особенности визуальной трактовки художником литературной сказки Буша, ее сходства и различия с авторскими иллюстрациями второй половины 1860-х годов, выявить жанр рисунков, уяснить специфику образных характеристик, художественного языка в целом, дополнить и уточнить существующие источниковедческие характеристики.

Начнем с кратких вступительных замечаний. Уже был случай обрисовать, как складывалась история атрибуции названных выше рисунков [9]. Выявлено, что они поступили в коллекцию СГХМ в 1983 году в составе большого дарения дочери художника, отождествлены по внешнему сходству как серия [1. С. 26–27]. Авторскую надпись и дату на одном из них (*Страшная ночь, или Храбрая мельникова дочь, 1924*) закрепили за всей группой интересующих нас рисунков. Составитель каталога (1986) также высказала предположение об иллюстративном характере серии, «заглавный» лист с авторской надписью определила как *Обложку*. С этими же сведениями рисунки были опубликованы в книге-альбоме «Художник Валентин Юстицкий» (2009) [4. С. 122–123, 183–184]. Ни имя автора сказки, ни очередность композиций внутри серии там не обозначены, искусствоведческого анализа листов не предложено.

Как показали разыскания автора данной статьи, сказка называется «Храбрая мельникова дочь» (1868), имя создателя – Вильгельм Буш / *Heinrich Christian Wilhelm Busch* (1832–1908), немецкий поэт, художник, карикатурист, родоначальник жанра комиксов для детей [10]. Он был и первым иллюстратором созданной в стихах сказки о мельниковой дочери, (см. таблицу 5 в Приложениях) характер взаимодействия слова и графического изображения в которой, а также художественные средства, адресация, степень соответствия эпохе историзма также предпринималась попытка изучить [11].

Иллюстрации, выполненные В.М. Юстицким через полвека, в середине 1920-х гг., вызывают много вопросов. Один из них – что могло «свести» Юстицкого с Бушем. Выскажем два предположения. Современные исследователи отмечают, что популярность стихотворных историй Буша, будущего классика детской литературы, была велика в его время как в Германии, так и за ее пределами [12; 13]. Каталог Российской государственной библиотеки (РГБ, Москва) свидетельствует, что первые переводы на русский язык появились в 1880-е годы. Интересующая нас «Страшная ночь, или храбрая мельникова дочь» – одна из одиннадцати историй сборника В. Буша «Веселые рассказы про шутки и проказы», выпущенного «Товариществом М.О. Вольфа» в 1890 году [14]. В книгу включено около 500 авторских иллюстраций В. Буша. Популярность В. Буша

в России последней четверти XIX в. позволяет предположить, что Юстицкий (род. в 1894), росший в Петербурге в культурной семье, был знаком с ними с детства, что могло стать одной из личных причин обращения к тексту через 30 лет.

Каталог РГБ дал возможность уяснить, что после Октябрьской революции имели место многочисленные переиздания В. Буша: 1923–1924, 1928–1929, 1936, 1941 и пр.; были сделаны новые переводы (С.Я. Маршак, Д. Хармс и др.) [13]. Сведения об издании в СССР сочинений немецкого автора в середине 1920-х гг. в сопоставлении с датой, поставленной В. Юстицким на «Обложке» (1924), порождают гипотезу, что он мог работать над заказным циклом иллюстраций. Ясно, что данная гипотеза требует документального подкрепления, которого проведенные изыскания пока не дали. Вопрос о том, были ли изданы анализируемые иллюстрации Юстицкого, также остается пока открытым.

Для понимания визуальной составляющей напомним содержание сказки. Ее сюжет драматичен: темной ночью, в бурю, на мельницу, где пребывает героиня истории – мельникова дочь – проникают один за другим три злодея с намерениями обесчестить, ограбить и убить девушку. Она не растерялась, поочередно справилась с каждым: разбойники живыми не ушли. Сюжет разворачивается в едином пространстве. Из временных признаков обозначено лишь время суток.

Выясним, что отличает трактовку Юстицким сказки В. Буша от ее авторской художественной интерпретации. Начнем с наблюдений над распределением картинок по тексту «младшим» и «старшим» иллюстраторами. Результаты этих наблюдений сведены в таблицу 1; в ней «синхронизированы» три варианта иллюстрирования сказки В. Буша: иллюстрации В. Юстицкого к переводу К. Льдова (ст. 1–2), иллюстрации самого Буша в немецком издании (ст. 3–4), его же иллюстрации в русском издании (ст. 2–4).

Таблица 1

Распределение иллюстраций В.М. Юстицкого (арабские цифры) и В. Буша (римские цифры) по тексту сказки в немецком оригинале и переводе

1	2	3	4
Пор. № ил. Юстицкого	Текст В. Буша в переводе К.Н. Льдова (издание 1890 г.) с номерами строк	Немецкий текст В. Буша (подстрочный перевод) с номерами строк	Пор. № ил. Буша
1	1. Буря воеет, ночь темна, 2. Лампа в мельнице видна. 3. На огонь три дерзких вора 4. Стали красться вдоль забора	1. Воеет буря, ночь ужасна, 2. В доме мельника мерцает лампа. 3. Здесь крадутся три разбойника дико и бесшумно. 4. Хуш, хуш, пист, пист, – вокруг дома.	I II
2	5. Подошли враги к окну; 6. Дочка мельника в плену!	5. Дочь мельника прядет одна. 6. Три разбойника заглядывают в окно.	III
3 3а	7. Воры, злобно морща брови, 8. Жаждут денег, жаждут крови!	7. Второй жаждет крови. Третий жаждет денег. 8. А первый, первый прельщен девушкой.	IV
4 4а	9. Лезет первый из воров... 10. – «Здравствуй, милый! Будь здоров!» 11. Бух! жернов летит... Под прессом 12. Стал и плут особой с весом!	9. И когда первый залез внутрь, 10. Тут же подняла девушка мельничный жернов. 11. И патч! разбойник больше не живет, 12. Жернов прижал его слишком сильно.	V VI

1	2	3	4
5	13. Сгинул первый наш герой, –	13. Но уже показался жаждущий убийства,	VII
5а	14. Лезет в петлю и второй. – 15. Но недолго длилась пытка: 16. Вор намотан, словно нитка!	14. И лезет через дыру второй разбойник. 15. Уу, аа...и прежде чем он это понял. 16. На круглые щипцы (круглую дробилку) вал он намотан.	VIII
6	17. Вот и третий наш бандит 18. Прямо к золоту бежит. 19. Но захлопнулась вдруг крышка, – 20. И задохнулся воришка!»	17. Но теперь приближается смелым шагом 18. Жаждущий золота третий. 19. Шнапс! и горло ему пережали. 20. Он умер, потому что у него воздух отняли.	IX X
7	21. Так погибли три злодея! 22. Вывод ясен без картин: 23. Часто в битве, не робея, 24. Побеждает трех – один.	21. Так умерли эти трое совсем неожиданно. 22. О юноша, так что будь осторожен (дословно: смотри сюда) 23. Так доводит часто одна-единственная девушка 24. Трех мужчин до беды!	XI

Таблица показывает, что Буш иллюстрирует *каждое* двестишь собственное текста; исключение составляют финальные четыре строки, которые тоже сопровождается одно изображение (ст. 3–4). В целом его иллюстративный цикл включает в себя одиннадцать композиций. Все они имеют разную тематику. В русском издании с переводом Льдова (ст. 2–4) все обстоит точно так же.

У Юстицкого, как ясно из таблицы (ст. 1–2), иллюстраций десять, то есть на одну меньше, а сюжетов меньше почти на треть: их только семь, поскольку три сюжета разработаны в двух вариантах (ил. 3–3а, 4–4а, 5–5а). Каждая его композиция иллюстрирует более свободно от 2 до 4 строк стихотворения, картинки распределены относительно текста иначе.

Проанализируем в сравнении самые показательные иллюстрации (см. таблицы 4 и 5 в Приложениях). Как следует из сюжета сказки, центральными событиями становятся три эпизода расправы героини над злодеями. Буш каждому из них посвящает по две иллюстрации (ил. V–VI, VII–VIII, IX–X), тематически связанные с началом и исходом «истории» отдельного злодея. У Юстицкого каждому посвящен только один иллюстративный сюжет, в двух случаях – в двух вариантах (ил. 4–4а, 5–5а, 6). Уже это позволяет заметить, что Буш равномерно повествователен, Юстицкий же «расставляет» при помощи иллюстраций акценты.

Рассмотрим более детально, как он это делает, чем отличается его художественная логика от логики Буша. Иллюстрация Юстицкого (ил. 1), получившая из-за надписи название «Обложка», такова: на фоне зигзага молнии из ночного мрака проступают три зловещих мужских силуэта, крадущихся в сторону постройки, в окне которой – женская фигура, освещенная лампой. Картинка «объединяет» четыре первых строки текста.

У Буша к тем же строкам, как мы помним, относятся две картинки (ил. I–II), иллюстрирующие *каждые* две строки. Первая из них – единственная *пейзажная* иллюстрация – классический мотив с яркой романтической окраской, передающий атмосферу буйной ночи. Вторая – с образами разбойников у стены дома. В первой Буш четко изображает мельницу – образ-заставку, важное место действия, наполненное для немецкого автора середины XIX века символическими смыслами. Это – «вечное коле-

со жизни», отражение идеи «справедливости судьбы», а также – Времени, «перемалывающего» не только зерна, но и живые «плевелы» – человеческие пороки.

Постройка, упомянутая при характеристике иллюстрации Юстицкого, – очень условная мельница, ее назначение становится понятно только из текста сказки. У русского художника мельница «лишилась» своих традиционно-европейских «смыслов», хотя название сказки с ее упоминанием (через определение «мельникова дочь») графически вписано в первую иллюстрацию-заставку Юстицкого, как и в страницу с первой иллюстрацией Буша к немецкому и русскому изданиям.

В рамках сравнительного анализа большой интерес вызывает эпизод, изложенный у переводчика следующими строчками: *Подошли враги к окну; / Дочка мельника в плену!* Ему соответствует вторая иллюстрация Юстицкого. На ней этот текст «воспроизведен» буквально: окно и сговаривающиеся под ним разбойники. Сцена так и построена: первый план отдан довольно крупным фигурам злодеев, свободно «расположившихся» в пространстве листа, в глубине – небольшое окно мельницы, в котором виднеется лицо героини. Мотив повторяет образ дочери мельника на «Обложке»; отсюда же – зигзаг молнии на черном ночном небе. Это – образ «страшной ночи», добавленного русского названия, оказавшегося значимым и для переводчика, и, судя по картинкам, для «младшего» иллюстратора. Изображение постройки, внешние очертания которой заданы всего двумя вертикальными линиями, еще меньше похоже на мельницу, еще более условно, чем на предыдущей иллюстрации, где передана хотя бы каменная кладка стены. Оконный переплет напоминает решетку темницы. Юстицкий выразительно передает ощущение плена, заточения героини, о котором говорит переводчик, вслед за ним усиливая драматизм происходящего. Главные герои иллюстрации – разбойники. Здесь художник впервые дает их портретные характеристики: двое в масках, у одного подчеркнут «звериный» оскал, но в целом образы выглядят карикатурно и отчасти комично. Юстицкий «сигнализирует» юному читателю, что они вряд ли одолеют храбрую девушку.

Иная трактовка этого эпизода Юстицким становится еще очевиднее при рассмотрении картинки предшественника. Буш-художник строки *Дочь мельника прядет одна / Три разбойника заглядывают в окно* (подстрочный перевод) решает с помощью иной сцены. Это – «Вид изнутри мельницы». На переднем плане – мельникова дочь. Она уютно сидит на скамье, за прялкой, в пол-оборота к окну, в котором видны только головы злодеев. Образ героини доминирует, вместе с окружающей обстановкой создает ощущение привычного течения жизни, злодеи пока – за пределами этого мира. Вся композиция, точно передающая содержание двустихья, позволяет усилить повествовательность за счет изображенных бытовых деталей.

Не менее выразителен и следующий эпизод, связанный с двустихьем, звучащим в переводе так: *Воры, злобно морща брови, / Жаждают денег, жаждут крови!* Юстицкий сопровождает это двустихье рисунком в двух вариантах, которые повторяют друг друга с небольшими отличиями. На рисунках – трое злодеев с оружием в руках на фоне зигзагов молнии (ил. 3–3а). Здесь, как и в двух предыдущих композициях, включая «Обложку», место действия сюжетного эпизода – за пределами жилища героини: оно обозначено деталями (ночное небо с зигзагами молнии), связывающими данную и предшествующие иллюстрации между собой. Художник, следуя за переводчиком, сосредотачивается на портретных, физиономических характеристиках персонажей, позволяет их хорошо рассмотреть. Угрожающие выражения лиц, жесты, позы, кинжал и пистолеты в руках у разбойников недвусмысленно передают их «злые» намерения, хотя под низко надвинутыми головными уборами и масками «брови» видны только у одного.

Соответствующая тому же эпизоду картинка автора сказки посвящена первым моментам вторжения разбойников в дом героини: двое мужчин подталкивают третьего, протискивающегося через лаз, над ним – выглядывающая в окно мельникова дочь.

Напомним, в оригинальном тексте Буша строки таковы: *Второй жаждет крови. / Третий жаждет денег / А первый, первый прельщен девушкой.* По сути, Буш не визуализирует текст, а лишь добавляет деталь, уточняет способ проникновения разбойников внутрь. При таком построении сцены, когда голова одного из разбойников целиком закрыта шляпой, а второй наполовину уже внутри лаза и не виден, развернутые портретные (физиономические) характеристики затруднены. Представление об облике разбойников складывается в основном из их комичных фигур, костюмов, поз. Заметим, что экипировка мужчин (высокие сапоги, шляпы с перьями, короткие пышные штаны, плащи) вполне соответствует той эпохе и национальной традиции, в которую Бушем создавались и текст, и иллюстрации.

Еще большее расхождение между стихотворным и визуальным текстами в этом эпизоде возникает в русском издании 1890 г. с теми же рисунками Буша. Здесь строкам *Воры, злобно морща брови, / Жаждут денег, жаждут крови!* соответствует картинка, описанная выше, с разбойниками у лаза; их обличья, «портреты» маловыразительны, заменены действием. Отсюда становится ясно, почему в данном случае Юстицкий, явно знавший это издание, кардинально перерабатывает свое решение эпизода, по сравнению с Бушем, в сторону приближения к тексту перевода.

Следующую группу иллюстраций составляют картинки о расправе героини над злодеями. У Юстицкого это иллюстрируют три композиции (с парными вариантами двух из них), у Буша – шесть. В данном случае можно отметить сходное во многом построение сценок. Так, в эпизоде с гибелью одного из злодеев под сброшенным на него героиней мельничным жерновом (ил. 4–4а) Юстицкий, как и Буш, компоует сценку в двух «ярусах», располагает героиню в верхней части мельницы, очень похоже обозначая одну из досок пола под ее ногами, а также мешок с мукой (ил. 4). Кроме того, сценки у одного и другого фронтально развернуты к «зрителям» наподобие театральных подмостков. Но решение пространства у Юстицкого, как и в предыдущих иллюстрациях, более условно по сравнению с вариантом Буша, сугубо реалистично передающего детали интерьера мельницы.

Рисунок Юстицкого к следующему эпизоду (ил. 5–5а) с расправой над очередным бандитом также напоминает композицию Буша, иллюстрирующую начало события (ил. VII). В нем сохраняется «двухъярусное» построение, присутствуют натянутая веревка, бандит, намотанный на мельничный вал. Наконец, композиционно очень схожи иллюстрации Юстицкого (ил. 6) и Буша (ил. IX) к третьему эпизоду расправы над преступником, убитым крышкой тяжелого сундука.

Особое звучание поучает у Юстицкого финальная композиция иллюстративного цикла. Как мы помним, смысловые акценты четверостиший в оригинале и переводе различны (см. комментарии к таблице 2 в Приложениях). Картинками эти различия только усиливаются. Юстицкий запечатлевает торжествующую героиню-победительницу. Она стоит словно на пьедестале, поправ головы убитых злодеев. Сходный прием используется и в нескольких предыдущих рисунках, где противопоставляются мельникова дочь и злодеи: фигуры поверженных обидчиков в нижней части композиции также служат своеобразным постаментом для героини (ил. 4–4а, 5–5а). Так воплощается дидактически присущая жанру сказки идея победы добра над злом. У Буша в финале мы видим натуралистически изображенные «результаты» ожидаемого читателями и зрителями наказания бандитов, четко напоминающие о способах наказаний.

В целом анализ художественной логики и содержания картинок позволяет заключить, что Юстицкий не отворачивается от интерпретаций Буша, следуя за ним больше всего в сценках, традиционно представляющих ожидаемое жесткое наказание злодеев. Но он более основательно занят визуализацией их характеров, намерений, героизацией и обобщением образа мельниковой дочери, менее повествователен и еще менее озабочен бытовым реализмом.

Гораздо более выразительного сходства и очевидных различий можно обнаружить в исследовании образных характеристик, данных персонажам. Злодеи Юстицкого и Буша, акцентируем это наблюдение, окарикатурены. Оба художника раскрывают свое отношение к отрицательным героям. При этом Юстицкий делает их единственными, а значит, главными героями одного из сюжетов (ил. 3–3а), что позволяет ему трактовать образы портретно.

Особенно интересен вопрос о трактовке двумя иллюстраторами образа мельниковой дочери. У Буша героиня фигурирует с III по X иллюстрации, то есть в восьми сюжетах. Она наделена грубоватыми простонародными чертами и мощным телосложением, как и диктовало традиционное для времени, в котором жил автор, и описываемой им социальной среды представление о красоте. Она изображена, напомним, покойно расположившейся за прялкой (ил. III). Но не только: героиня ловко перекатывает тяжелый жернов – орудие мести (ил. V), умело придерживает опасную веревочную петлю (ил. VII), с довольным чувством убегает после убийства очередного злодея (ил. VIII), уверенно придавливает крышку сундука, чем добивает последнего разбойника (ил. X). Динамичные позы героини передают бурный ритм происходящих событий, а насмешливая мимика – заключенный в сюжете юмор.

Юстицкий изображает героиню в шести сюжетах, дает ее рассмотреть в четырех из них – сценах расправ и финале. Как и Буш, он передает ее внешнюю полноту, но в облике героини, ее костюме, по сути, не остается ничего от немецкой крестьянки. Как и в других моментах (изображение мельницы), точные национальные и временные характеристики эпохи Буша в ее образе отсутствуют.

Из сравнения становится ясно, что подходы двух иллюстраторов к выбору сюжетов, образным характеристикам, композиционным решениям, обнаруживают знакомство Юстицкого с иллюстрациями Буша. Однако русский художник «пренебрегает» многими деталями, которые могли бы передать, как у Буша, колорит времени и места действия сказки, заменяя их подробностями, придуманными им самим (букет в руках героини, ключи и маски у злодеев).

Обратимся специально к характеристике художественного языка Юстицкого. Все его композиции решены в стилистике так называемого быстрого набросочного рисунка. Ощущение стремительности выполнения изображений создается гибким, вместе с тем заостренным, пульсирующим контуром пера, а также использованием приема с подчеркнута небрежной, как бы не попадающей в контуры рисунка цветовой заливкой кистью. Этот эффект усиливается открытыми неровными внешними границами изображений. Пространство трактуется плоско и условно-схематично.

Такое стилистическое решение не случайно: оно точно передает прерывистый ритм стихотворного повествования. Этот стиль через «небрежность» отвечает задаче гротесковой трактовки персонажей и сюжетов в целом, соответствует юмористическому жанру стихотворения, обозначенному в названии сборника. В свое время Буш в иллюстрациях также добивался графической заостренности и лаконичности через намеренное упрощение контуров изображений. Благодаря тональной разработке фигур и пространства с помощью разнообразной, местами энергичной штриховки он задал иную, объемно-реалистическую трактовку изображений, характерную для мастера середины XIX века. Ясно также, что стиль его рисунков во многом связан с особенностями их тиражирования путем перевода в печатную графику.

Значительную роль в составе выразительных художественных средств Юстицкого играет цветовое решение рисунков. Автор использует довольно ограниченную гамму, всего несколько красок: синюю, черную, красновато-коричневую, охристую. Тем самым он умело создает впечатление колористической общности всей серии, ее единого цветового строя. В некоторых иллюстрациях (ил. 3–7) все краски собраны в звучный цветовой аккорд, в других (ил. 1–2) использовано минимальное число тонов. Так, почти монохромно решена композиция № 2, в которой основной глубокий синий цвет не только

передает атмосферу ночи, но и прорисовывает фигуры злодеев, как будто возникающие из ночной мглы. Если сравнивать рисунки Юстицкого с черно-белыми иллюстрациями Буша, то именно звучный, хотя и «немногословный» цвет, становясь одним из ключевых выразительных средств, обогащает, обновляет, осовременивает язык иллюстраций к этому циклу.

Особое внимание в рассматриваемых графических материалах привлекают «парные» рисунки на один и тот же сюжет: они позволяют в какой-то мере охарактеризовать «творческий метод» художника. Как кратко было отмечено, к трем эпизодам (строки 7–8, 9–12, 13–16) сохранилось по две картинки (ил. 3–3а, 4–4а, 5–5а), варьирующие один и тот же сюжет. Добавим, что три «дополнительных» рисунка заметно отличаются от основной группы своими размерами и качеством бумаги, при этом данными параметрами совпадают между собой. Только в них можно видеть, что имела место подготовка рисунков графитным карандашом, намечавшим контуры будущей композиции. Это позволяет назвать их подготовительными эскизами к иллюстрациям. Сравним рисунки в одной из таких «пар», композиции к эпизоду № 5, иллюстрирующей наказание второго злодея – *вор намотан, словно нитка*. В эскизе (ил. 5а) и окончательном варианте (ил. 5) внешняя канва повторяется, но итоговый рисунок приобретает гораздо большую динамичность и гротесковость, манера исполнения – жесткость и выразительность; благодаря более насыщенной цветовой гамме и уверенной обводке пером всех контуров изображения, в целом он становится более завершенным. Образ героини в эскизе – мечтательно-задумчивой и одновременно кокетливой – в иллюстрации теряет эти черты, становясь более деятельным, что подчеркивает по принципу противоположности и фигура злодея, безжизненно повисшая на мельничном валу.

Подготовительные рисунки тем самым позволяют глубже проникнуть в авторский замысел, уяснить, в каком направлении шла работа над образами.

Наконец, все изложенное выше заставляет хотя бы кратко коснуться еще никем не поднимавшегося вопроса о полноте сохранности иллюстративной серии Юстицкого. Точного ответа пока дать нельзя. В пользу полноты серии свидетельствует факт, что рассмотренные десять рисунков охватывают сюжет сказки от начала до конца. Однако это не исключает допущения, что в музейном собрании представлены не все выполненные художником рисунки. На наш взгляд, об этом свидетельствуют по крайней мере два момента: наличие вариантов (подготовительных рисунков) только у трех сюжетов из семи и подготовительного наброска графитным карандашом на обороте рисунка 3а с портретными изображениями злодеев, не совпадающими с таким же сюжетом в законченных рисунках (ил. 3–3а). Данный контурный набросок голов явно не завершен, не получил в «наших» листах окончательного воплощения. Вопрос требует дальнейших разысканий, которые помогут еще яснее раскрыть понимание художественного метода Юстицкого.

Подведем некоторые итоги. Сравнительное и формально-иконологическое исследование материала, предпринятое впервые в литературе, позволяет заключить, что русский художник Юстицкий был знаком с картинками немецкого предшественника и сумел творчески переосмыслить в ряде случаев иллюстративные находки «старшего» автора. Очевидно, что легкий, ироничный стиль В. Буша также был принят во внимание В. Юстицким, в какой-то мере оттолкнувшись от контурных изображений автора сказки. Это сделано, как можно сказать ныне, почти «по-постмодернистски» открыто; автор не скрывает «цитатности», демонстрирует преемственность между своими и бушевскими иллюстрациями.

Однако у Юстицкого иной формат художественной задачи: он не просто визуализирует текст, но, оттолкнувшись от сюжета, создает ряд смешных, поучительных и вполне актуальных для его времени картинок, переводя «историю» из плоскости временной и национальной конкретики в более широкий вневременной контекст. При этом, работая над оформлением сказки, мастер активно формирует и оттачивает свой худо-

жественный язык, который именно с начала 1920-х годов станет «визитной карточкой» его графики примерно на полтора десятилетия. Изученная иллюстративная серия – одна из немногих датированных самим автором, позволяет тем самым обозначить направление стилистических поисков художника.

Приложения

Таблица 2

В. Буш. «Храбрая мельникова дочь»:
оригинал, подстрочник и перевод К.Н. Льдова

№	Немецкий оригинальный текст «Die kühne Müllerstochter»	Подстрочный перевод «Храбрая мельникова дочь»	Перевод К.Н. Льдова «Страшная ночь, или Храбрая мельникова дочь»
1	2	3	4
1.	<i>Es heult der Sturm, die Nacht ist graus, Die Lampe schimmert im Müllerhaus.</i>	<i>Воет буря, ночь ужасна, В доме мельника мерцает лампа.</i>	<i>Буря воет, ночь темна, Лампа в мельнице видна.</i>
2.	<i>Da schleichen drei Räuber wild und stumm – Husch, husch, pist, pist! – ums Haus herum.</i>	<i>Здесь крадутся три разбойника дико и бесцумно – Хуш, хуш, пист, пист! – вокруг дома.</i>	<i>На огонь три дерзких вора Стали красться вдоль забора.</i>
3.	<i>Die Müllerstochter spinnt allein, Drei Räuber schauen zum Fenster herein.</i>	<i>Дочь мельника одна прядет, Три разбойника заглядывают в окно.</i>	<i>Подошли враги к окну; Дочка мельника в плону!</i>
4.	<i>Der zweite will Blut, der dritte will Gold, Der erste, der ist dem Mädels hold.</i>	<i>Второй жаждет крови, третий жаждет денег, А первый, первый прельщен девушкой.</i>	<i>Воры, злобно морща брови, Жаждут денег, жаждут крови!</i>
5.	<i>Und als der erste steigt herein, Da hebt das Mädchen den Mühlstein.</i>	<i>И когда первый залез внутри, Тут же подняла девушка мельничный жернов.</i>	<i>Лезет первый из воров... – «Здравствуй, милый! Будь здоров!»</i>
6.	<i>Und – patsch! – der Räuber lebt nicht mehr, Der Mühlstein drückt ihn gar zu sehr.</i>	<i>И – патч! – разбойник больше не живет, Жернов прижал его слишком сильно.</i>	<i>Бух! жернов летит... Под прессом Стал и плут особой с весом!</i>
7.	<i>Doch schon erscheint mordgierig- heiter Und steigt durchs Loch der Räuber zweiter.</i>	<i>Но уже показался жаждущий убийства, И лезет через дыру второй разбойник.</i>	<i>Сгинул первый наш герой, — Лезет в петлю и второй. —</i>
8.	<i>Ha! Hu! – Er ist, eh' er's gewollt, Wie Rollenknaster aufgerollt.</i>	<i>Аа! Уу! – и прежде чем он это понял, На круглый вал он намотан.</i>	<i>Но недолго длилась пытка: Вор намотан, словно нитка!</i>
9.	<i>Jetzt aber naht mit kühnem Schritte Voll Goldbegierigkeit der dritte.</i>	<i>Но теперь приближается смелым шагом жаждущий золота третий.</i>	<i>Вот и третий наш бандит Прямо к золоту бежит.</i>
10.	<i>Schnapp! – ist der Hals ihm eingekommen; Er stirbt, weil ihm die Luft benommen.</i>	<i>Шнап! – и горло ему пережали; Он умер, потому что у него воздух отняли.</i>	<i>Но захлопнулась вдруг крышка, — И задохнулся воршика!</i>

1	2	3	4
11.	<i>So starben die drei ganz unverhofft. O Jüngling, da schau her! So bringt ein einzig Mädchen oft Drei Männer ins Malheur!!!</i>	<i>Так умерли эти трое совсем неожиданно. О юноша, так что будь осторожен! Так доводит часто одна единственная девушка Трех мужчин до беды!!!</i>	<i>Так погибли три злодея! Вывод ясен без картин: Часто в битве, не робея, Побеждает трех — один.</i>

В таблице 2 показано, что оба текста состоят из 24 строк, объединенных в рифмованные двестишья, завершается текст четверостишием. Сюжетная канва немецкой сказки передана русским переводчиком с большой точностью. Однако таблица позволяет заметить значительные смысловые расхождения. Первое из них – в названии, которое в русском варианте более объемное – в первой его части появилась «Страшная ночь». Тем самым образ героини (Храбрая мельникова дочь) «дополняется» временем действия и, в более широком смысле, «образом» преступления (ночь, в которую случилось нечто страшное), что задает интригу с самого начала.

Расхождения наблюдаются и в деталях. Так, у Льдова преступники крадутся не вокруг дома, как у Буша, а *вдоль забора*. Далее, переводчик не сообщает нам о занятии, за которым разбойники застают героиню (у Буша она сидит за прялкой). Существенно меняются и характеристики злодеев. У Буша разбойники – «Первый», «Второй» и «Третий» – остаются по традиции воплощением грехов: алчности, убийства и прелюбодеяния. Переводчик объединяет, не персонифицирует «зло» («Воры ... жаждут денег, жаждут крови»). Буш каждому вменяет свое преступное намерение, переводчик сужает круг задуманных злодеяний (умалчивает о желании одного из разбойников, связанном с сексуальным насилием).

Одновременно в переводе появляются детали, отсутствующие в немецком тексте, которые «визуализируют» облик злодеев: *воры злобно морщат брови*. И наконец, существенно расходятся финальные строфы, а вместе с ними – и мораль оригинала и перевода. У Буша звучит поучение юноше-читателю быть осторожным и не попадать в сложную ситуацию, связанную с общением с девушкой. В русском варианте акцентируется возможность победы над злом в результате *храбрых* действий одиночки (антитеза к известной русской поговорке «один в поле не воин»).

Существенные расхождения могут найти несколько объяснений (особенности ритмической организацией русского текста, подбор рифм), но главное – переадресация текста в русском издании более юному читателю (отсюда умалчивание намерения одного из злодеев обесчестить героиню), исчезновение финального обращения В. Буша к юноше, то есть взрослому человеку.

Таблица 3 позволяет видеть, что весь цикл иллюстраций В. Юстицкого охватывает текст «Страшной ночи...» от начала до конца, включает в себя 7 эпизодов. При этом к трем эпизодам (ст. 7–8, 9–12, 13–16) имеются по две картинки (3–3а, 4–4а, 5–5а), которые варьируют один и тот же сюжет. В иллюстрациях присутствуют все упомянутые в сказке персонажи – мельникова дочь и трое разбойников. Запечатлены все основные сюжетные ходы.

Таблица 3

Соотношение графических композиций Юстицкого
с текстом (переводом К.Н. Льдова)

<i>Литературный текст В. Буша (1868), перевод К.Н. Льдова (1890) с нумерацией строк</i>	<i>Графика В.М. Юстицкого (1924, Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева)</i>
1. <i>Буря воеет, ночь темна, 2. Лампа в мельнице видна. 3. На огонь три дерзких вора 4. Стали красться вдоль забора</i>	1. Обложка к сказке «Страшная ночь или храбрая мельникова дочь». 1924 Бумага, тушь, гуашь Р.л. - 24,8x22, р.и. - 21,5x15,7 Справа внизу под изображением - черной тушью: "ВЮстицкий. 24." Инв. № Г-7624
5. <i>Подшли враги к окну; 6. Дочка мельника в плену!</i>	2. Трое мужчин под окном Бумага, акварель, тушь Р.л. - 27,4x22,1, р.и. - 24x19 Инв. № Г-7585
7. <i>Воры, злобно морща брови, 8. Жаждут денег, жаждут крови!</i>	3. Трое мужчин с оружием Бумага, акварель, тушь Р.л. - 27,2x22,3, р.и. - 24,5x20,5 Инв. № Г-7586
	3а. Трое мужчин Бумага, тушь, акварель Р.л. - 22,2x17,8, р.и. - 19x15 Инв. № Г-7584
9. <i>Лезет первый из воров... 10. – «Здравствуй, милый! Будь здоров!» 11. Бух! жернов летит... Под прессом 12. Стал и плут особой с весом!</i>	4. Мужчина и женщина Бумага, акварель, тушь Р.л. - 27,5x21,9, р.и. - 24,8x17,8 Инв. № Г-7618
	4а. Две фигуры Бумага, тушь, акварель Р.л. - 22x17,8, р.и. - 19,6x14,5 Г-7620
13. <i>Сгинул первый наш герой, – 14. Лезет в петлю и второй. – 15. Но недолго длилась пытка: 16. Вор намотан, словно нитка!</i>	5. Две фигуры Бумага, тушь, акварель Р.л. -27,7x28,8, р.и. - 25,8x16,4 Инв. № Г-7619
	5а. Мужчина и женщина Бумага, акварель, тушь Р.л. - 22,1x17,9, р.и. - 20,6x14 Инв. № Г-7617
17. <i>Вот и третий наш бандит 18. Прямо к золоту бежит. 19. Но захлопнулась вдруг крышка – 20. И задохнулся ворюшка!»</i>	6. Две фигуры с сундуком Бумага, акварель, тушь Р.л. - 27,5x22,5, р.и. - 21x18,7 Инв. № Г-7587
21. <i>Так погибли три злодея! 22. Вывод ясен без картин: 23. Часто в битве, не робея, 24. Побеждает трех – один.</i>	7. Женщина с букетом Бумага, акварель, тушь Р.л. - 27,5x22,5, р.и. - 21x18,7 Инв. № Г-7588

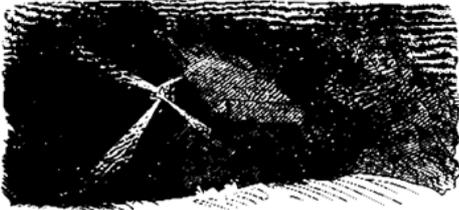
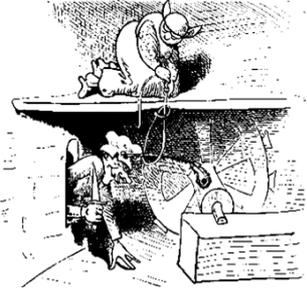
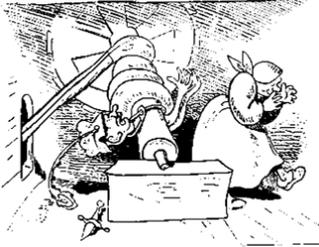
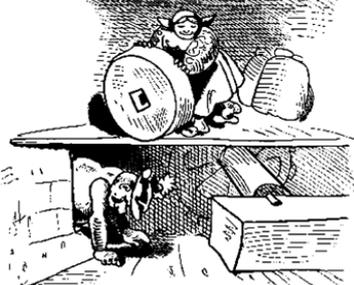
Таблица 4

Графические композиции В.М. Юстицкого к сказке
«Страшная ночь, или Храбрая мельникова дочь» (1924)

1.		4а.	
2.		5.	
3.		5а.	
3а.		6.	
4.		7.	

Таблица 5

Иллюстрации В. Буша к сказке «Храбрый мельника дочь» (1868)

I		VII	
II		VIII	
III		IX	
IV		X	
V		XI	
VI			

Литература

1. Валентин Михайлович Юстицкий. Живопись, графика: каталог / авт.-сост. А.Т. Симонова. Саратов: Полиграфист, 1986. 32 с.
2. Симонова А.Т. О творчестве художника В.М. Юстицкого // Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева. Вып. 5. Саратов, 1986. С. 90–115.
3. «Выйти из неживой жизни». Из писем В.М. Юстицкого 1938–1946 гг. Предисловие к публ. А.Т. Симоновой // Волга. 1989. № 7. С. 178–191.
4. Художник Валентин Юстицкий: альбом / авт.-сост. А.Т. Симонова. Саратов: СГХМ имени А.Н. Радищева; Сателлит, 2009. 200 с.
5. Червякова О.Н., Юстицкая Т.В. Новые материалы к биографии художника В.М. Юстицкого. На основании документов из архивов Санкт-Петербурга, Гродно и Вильнюса // Открываем коллекции. XV Боголюбовские чтения: Материалы Всероссийской научной конференции. Саратов: СГХМ имени А.Н. Радищева, 2017. С. 196–206.
6. Водонос Е.И. Очерки художественной жизни Саратова эпохи «культурного взрыва». 1918–1932. Саратов: Бенефит, 2006. 288 с.
7. Немировская М.А. Художники группы «Тринадцать». Из истории художественной жизни 1920–1930-х годов. М.: Советский художник, 1986.
8. Герчук Ю.Я. Советская книжная графика. М.: Знание, 1986. 128 с.
9. Боровская М.И. «Страшная ночь, или Храбрая мельникова дочь» как начало книжной графики В.М. Юстицкого // Слово молодых ученых: актуальные вопросы искусствознания: сборник статей по материалам XVIII Всероссийской научно-практической конференции аспирантов и студентов (3-5 декабря 2018 года). Саратов: Саратовская государственная консерватория имени Л.В. Собинова, 2018. С. 453–459.
10. Wilhelm Busch: Die kühne Müllerstochter. URL: <http://hoffmann.bplaced.net/epub/busch.php#Muellerstochter> (дата обращения: 05.02.2019).
11. Боровская М.И., Девятайкина Н.И. Текст и образ в немецкой графике второй половины XIX века: особенности взаимодействия (В. Буш) // Манускрипт. 2019. Т. 12. Вып. 12. С. 294–298.
12. Симбирцева В.Г. Герои юмористических стихов Вильгельма Буша в России // Вестник детской литературы. Выпуск 5. СПб., 2012. С. 80–92.
13. Ильичева Л. В. Рисованные рассказы В. Буша в переводах Д. Хармса и С. Маршак. URL: <http://www.d-harms.ru/library/risovanniy-rasskazy-busha-v-perevodah-harmsa-i-marshaka.html> (дата обращения: 05.03.2019).
14. Страшная ночь, или Храбрая мельникова дочь // Веселые рассказы про шутки и проказы / [Соч.] В. Буша; текст [в пер.] К.Н. Льдова. СПб.; М., 1890. С. 241–248. URL: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003626412#?page=> (дата обращения: 07.02.2019).

Valentin Yustitsky as a Graphic Artist: Artistic Language and Stylistic Techniques (Based on Illustrations for Wilhelm Busch's Fairy Tale)

Kul'turnaya zhizn' Yuga Rossii – Cultural Studies of Russian South, 2020, 4 (79), 52-67.
DOI: 10.24412/2070-075X-2020-4-52-67

Marina I. Borovskaya, Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov (Krasnodar, Russian Federation). E-mail: borma@list.ru

Keywords: Valentin Yustitsky, Wilhelm Busch, “Terrible Night or the Miller’s Bold Daughter”, fairy tale in verse, book graphics, illustrative series, creative method, artistic means, Saratov State Art Museum named after A.N. Radishchev.

The article is the first to investigate the features of the visual interpretation of the German literary tale by Wilhelm Busch “The Miller’s Bold Daughter” (1868) by the Russian

artist Valentin Mikhailovich Yustitsky (1894–1951). The materials for the article are ten graphic sheets of 1924 by Yustitsky from the collection of the Saratov State Art Museum named after A.N. Radishchev. In addition, to clarify the meanings of the drawings for the plot, the author turned to Busch’s fairy tale in the German original and in its Russian translation (Konstantin L’dov, 1890) revealing what the artist was dealing with. Using the formal iconological method and systematization in tables, comparing Yustitsky’s drawings with illustrations by Busch in the German original and in the translation, the author revealed the nature of the distribution of illustrations in the text, the interpretation key moments of the tale and its characters, and analyzed the artistic techniques. The analysis shows that Yustitsky knew the illustrations of his German predecessor, he was able to creatively rethink his illustrative findings in a number of cases; Yustitsky also considered Busch’s light, ironic style; Yustitsky did not hide citationality, but he solved a different artistic problem. He was more thoroughly engaged in visualizing the characters, their intentions, the glorification and generalization of the image of the main character – the miller’s daughter. Having created a number of funny instructive pictures relevant for his time, Yustitsky translated the story from the plane of temporal and national specifics into a wider timeless context. At the same time, while working on the design of the fairy tale, Yustitsky actively formed and honed his artistic language, which from the early 1920s became the “visiting card” of his graphics. All of his works are made in the style of the so-called quick sketch drawing. This accurately reflects the rhythm of the poetic text, meets the task of a grotesque interpretation of characters and plots, and the humorous genre of the work as a whole. In the set of expressive means Yustitsky used, color is especially important. Compared to Busch’s black-and-white illustrations, it is color that enriches, renews, and modernizes the language of Yustitsky’s illustrations for this cycle. The studied illustrative series is one of the few dated by Yustitsky himself, thus it allows indicating the direction of the artist’s stylistic searches.

References

1. Simonova, A.T. (1986) *Valentin Mikhaylovich Yustitskiy. Zhivopis', grafika: katalog* [Valentin Mikhaylovich Yustitskiy. Painting, Graphics: A Catalog]. Saratov: Poligrafist.
2. Simonova, A.T. (1986) O tvorchestve khudozhnika V.M. Yustitskogo [On Oeuvre of the Artist V.M. Yustitskiy]. In: *Saratovskiy gosudarstvennyy khudozhestvennyy muzey imeni A.N. Radishcheva* [Saratov State Art Museum named after A.N. Radishchev]. Vol. 5. Saratov: Saratov State Art Museum named after A.N. Radishchev. pp. 90–115.
3. *Volga*. (1989) “Vyyti iz nezhiyoy zhizni”. Iz pisem V.M. Yustitskogo 1938–1946 gg. [To Get Out of Lifeless Life. From V.M. Yustitsky’s Letters of 1938–1946]. 7. pp.178–191.
4. Simonova, A.T. (2009) *Khudozhnik Valentin Yustitskiy: al'bom* [The Artist Valentin Yustitskiy: An Album]. Saratov: Saratov State Art Museum named after A.N. Radishchev; Satellit.
5. Chervyakova, O.N. & Yustitskaya, T.V. (2017) [New Materials for the Biography of the Artist V.M. Yustitskiy. Based on Documents from the Archives of St. Petersburg, Grodno, and Vilnius]. *Otkryvaem kolleksii. XV Bogolyubovskie chteniya* [Opening Collections. XV Bogolyubov Readings]. Proceedings of the All-Russian Conference. Saratov: Saratov State Art Museum named after A.N. Radishchev. pp. 196–206. (In Russian).
6. Vodonos, E.I. (2006) *Ocherki khudozhestvennoy zhizni Saratova epokhi «kul'turnogo vzryva». 1918–1932* [Essays on the Artistic Life of Saratov During the Era of “Cultural Explosion”. 1918–1932]. Saratov: Benefit.
7. Nemirovskaya, M.A. (1986) *Khudozhniki gruppy “Trinadtsat' ”. Iz istorii khudozhestvennoy zhizni 1920-1930-kh godov* [Artists of the “Thirteen” Group. From the History of Artistic Life of the 1920s–1930s]. Moscow: Sovetskiy khudozhnik.
8. Gerchuk, Yu.Ya. (1986) *Sovetskaya knizhnaya grafika* [Soviet Book Graphics]. Moscow: Znanie.

9. Borovskaya, M.I. (2018) [“Terrible Night or the Miller’s Bold Daughter” as the Beginning of Book Graphics by V.M. Yustitsky]. *Slovo molodykh uchenykh aktual’nye voprosy iskusstvoznaniya* [Word of Young Scientists: Topical Issues of Art History]. Proceedings of the XVIII All-Russian Conference. 3–5 December 2018. Saratov: Saratov State Conservatory named after L.V. Sobinov. pp. 453–459. (In Russian).

10. Busch, W. (1868) *Die kühne Müllerstochter* [The Miller’s Bold Daughter]. [Online] Available from: <http://hoffmann.bplaced.net/epub/busch.php#Muellerstochter> (Accessed: 05.02.2019).

11. Borovskaya, M.I. & Devyataykina, N.I. (2019) Text and Image in the German Graphics of the Second Half of the 19th Century: Peculiarities of Interaction (W. Busch). *Manuskript – Manuscript*. 12 (12). pp. 294–298. (In Russian). DOI: 10.30853/manuskript.2019.12.58

12. Simbirtseva, V.G. (2012) Geroi yumoristicheskikh stikhov Vil’gel’ma Busha v Rossii [Heroes of Humorous Poems by Wilhelm Busch in Russia]. *Vestnik detskoj literatury*. 5. pp. 80–92.

13. Il’icheva, L.V. (n.d.) *Risovannye rasskazy V. Busha v perevodakh D. Kharmsa i S. Marshaka* [Illustrated Stories by W. Busch in Translations by D. Kharms and S. Marshak]. [Online] Available from: <http://www.d-harms.ru/library/risovanniy-rasskazy-busha-v-perevodah-harmsa-i-marshaka.html> (Accessed: 05.03.2019).

14. Busch, W. (1890) *Strashnaya noch’ ili khrabraya mel’nikova doch’* [The Miller’s Bold Daughter]. In: *Veselye rasskazy pro shutki i prokazy* [Funny Stories about Jokes and Pranks]. Translated from German by K.N. L’dov. Saint Petersburg; Moscow: t-vo M.O. Volf. pp. 241–248. [Online] Available from: <https://dlib.rsl.ru/viewer/01003626412#?page=> (Accessed: 07.02.2019).

УДК 069.4

DOI: 10.24412/2070-075X-2020-4-67-74

Т.А. Сальникова

ТВОРЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ В.И. СИДОРОВА (1922-2010) В ФОНДАХ КРАСНОДАРСКОГО КРАЕВОГО ХУДОЖЕСТВЕННОГО МУЗЕЯ ИМЕНИ Ф.А. КОВАЛЕНКО

Статья посвящена изучению монографической коллекции заслуженного художника России В.И. Сидорова в фондах музея. Его творчество представляет пример регионального изобразительного искусства. На материалах ретроспективной периодики, малоизвестных документальных и изобразительных материалов, многие из которых впервые вводятся в научный оборот, выявляется значение профессиональной деятельности художника в местном культурном процессе, актуализируются основные этапы его творческой деятельности.

Ключевые слова: музей, монографическая коллекция, художник, творчество, произведение изобразительного искусства, изучение фондов.

Актуальность темы обусловлена необходимостью полноценной реконструкции истории художественной культуры Кубани, что тесно связано с изучением творческого наследия отдельных мастеров изобразительного искусства.

Профессиональная деятельность краснодарского художника, участника Великой Отечественной войны, заслуженного художника России, заслуженного работника культуры Кубани, члена Союза художников СССР Виталия Ильича Сидорова вписала яркую страницу в историю кубанской живописи. Его работы находятся в запасниках,